

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ ЮРКИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
отдела историографии и источниковедения истории науки
и техники, Институт истории естествознания и техники
имени С. И. Вавилова РАН (Москва, Российская Феде-
рация)
ig-yurkin@yandex.ru

ГЕНРИХ БУТЕНАНТ И РОССИЙСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ ПОСЛЕДНЕЙ
ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА

Рассмотрена деятельность Генриха (Андрея Ивановича) Бутенанта фон Розенбуша в области горного дела и металлургии на территории Олонецкого края. Обсуждаются причины, приведшие к смене профиля олонецкой металлургии: ее переходу с производства меди на производство железа. Показано, что части сформировавшейся при Бутенанте двухзвенной структуры промышленного хозяйства были взаимосвязаны. Рассмотрены эволюция этой структуры и развитие Олонецкой группы заводов после их перехода к Бутенанту. Используются опубликованные и архивные исторические источники. Уточнены некоторые утверждения, дополнены факты, присутствующие в существующей научной литературе.

Ключевые слова: Генрих (Андрей Иванович) Бутенант фон Розенбуш, Марселисы, Виниусы, Е. Фандергатен, Олонецкие заводы XVII века, Олонецкие Петровские заводы

Имя и биография Генриха (Андрея Ивановича) Бутенанта фон Розенбуша, как и тесно связанная с ним ранняя история Олонецких металлургических заводов, долгое время оставались полузабытыми. Характерно, что в книге К. И. Арсеньева «Описание Олонецких заводов с самого их основания (выделение наше. – И. Ю.) до последних времен...» (1830)¹ он упоминается всего два раза, при этом назван разными «половинами» своего полного имени (Бутенант и Розенбуш) – автор, возможно, полагал, что говорит о разных людях. Об Олонецких заводах XVII века в этой книге тоже лишь упомянуто – их история автору незнакома. Даже для тех двух ранних заводов, названия которых оказались ему известными, время их постройки и остановки, по его словам, «с точностью определить нельзя».

Упрекать К. И. Арсеньева в недостаточном знании литературы вопроса нет оснований: такой литературы просто не существовало. В подробном обзоре горнозаводского краеведения Карелии до 1917 года, предпринятом в монографии А. М. Пашкова, факты упоминаний о Бутенанте очень редки [11: 73, 77, 213, 229]. Специальному рассмотрению ранний период горнозаводской деятельности в крае (XVII век) был подвергнут только в работах В. И. Рожкова и В. П. Мегорского².

И все же материал о Бутенанте и связанных с его деятельностью заводах накапливался. Важным событием в истории введения в научный оборот исторических источников по Олонецким медным и железным заводам явилась публикация полностью им посвященной второй части сборника «Крепостная мануфактура в России»³.

Аналитическое осмысление этих и ряда других источников предпринял Г. М. Коваленко, созданные которым в 1970-х годах научные работы [4], [5], [6], [7] принципиально изменили степень изученности темы. Однако многие ее детали по-прежнему остаются проработанными недостаточно. Сохранившиеся исторические источники, как опубликованные, так и продолжающие выявляться исследователями, сделать это позволяют.

В настоящей статье затронем некоторые из связанных с темой вопросов.

БУТЕНАНТ: КАРЬЕРА КОММЕРСАНТА

Деятельность Генриха Бутенанта, коммерсанта и дипломатического агента, долгое время развивалась преимущественно в торговой сфере. Получив жалованную грамоту на торговлю в русских городах⁴, он постепенно выделяется в среде работавших в них иностранных купцов. При этом не только торгует, но и пытается влиять на среду и условия торговли. Его, гамбургского торгового иноземца, имя встречаем среди тех из них, кто подавал письма в связи с введением в России в 1667 году Новоторгового устава⁵.

Предметы коммерческой деятельности Бутенанта были разнообразны. Он вывозил из России поташ, мачтовый лес, пиломатериалы, рыбу, рыбий жир [1: 167, 168]. Вводил оружие, ефимки. Масштаб импортных операций позволяет представить следующий факт: в 1681 году он поставил к Архангельску подрядного рейтарского ружья 106 ящиков и 57 бочек, в них 6550 «служеб пистолей и карабинов, пистолы с ольстры, а карабины с крюки и с перевязьми» [12: 320].

К 1680-м годам Бутенант занимал устойчивое и весьма заметное положение среди живших в Москве иностранцев. Он был лично знаком с первыми лицами в правительстве. Об уровне его контактов можно судить по списку гостей на одном из данных им обедов (19 января 1683 года): на нем присутствовали датский посол Гильдебранд фон Горн, князья В. В. и Б. А. Голицыны, кто-то из князей Одоевских, Лыков и другие русские вельможи⁶. То, что они не считали посещение Бутенанта унижающим их достоинство, определялось еще и тем, что почти два десятилетия (в период с апреля 1679 по август 1698 года) он выступал в качестве не только коммерсанта, но и дипломата: представлял в России интересы датского короля [9: 191].

Одним из свидетельств авторитета Бутенанта (одновременно – средств его укрепления) явилось утверждение за ним в России дворянского звания. Этот факт нашел отражение в Записной книге Посольского приказа государевым указам, челобитным, приездам в Россию иностранцев и иным всяким делам в записи следующего содержания:

В нынешнем во 1688-м году февраля в 5 день указали великие государи королевского величества датского комиссара Андрея Бутенанта писать в их царского величества грамотах, и в указах, и во всяких писмах по данному ему королевского величества листу Андреем Бутенантом фон Розенбушем⁷.

О том, как оценивал себя сам Бутенант и каким старался предстать в глазах общества (русских и иностранцев), говорит инцидент, произошедший в следующем, 1689, году на Святой неделе. В эти дни, по сложившейся традиции, «у руки» великих государей должны были представлять избранные лица из числа проживавших в Москве иностранцев. В том году в их число входили два комиссара – датский Андрей Бутенант⁸ и «свейской» Христофор фон Кохен. Бутенант «в четверток» на приеме побывал, а фон Кохен, хотя и «призван был же», «за спором с Андреем Бутенантом, что после ево, Андрея, идти не похотел, у руки не был»⁹. В следующем году в это время в Москве находился уже другой шведский представитель – Томас Книппер. На церемонию пригласили обоих – и Бутенанта «с сыном и с племянники», и Книппера. В сохранившемся в приказной документации списке призванных этого года имя шведа снова следует после имени датчанина. Впрочем, в данном случае для шведа это было, возможно, не так обидно, как для его предшественника: Бутенант значился в документе «королевского величества комиссаром», а Книппер всего лишь «свейского короля подданным»¹⁰.

Косвенным показателем не только официального, но и неформального статуса Бутенанта является его сближение с кругом молодого царя Петра Алексеевича. Уже упоминавшийся его сын, тоже Андрей, входил в непосредственное

окружение последнего. По свидетельству весьма информированного Б. И. Куракина, он был среди тех, кто по его (Петра) склонности «к иноземческому всему» учил его некоторым из малораспространенных в России умений. Бутенант-сын наставлял сразу в двух предметах: привлекался «для езерцией на шпагах и лошадях» [8: 79].

Обратим внимание на умение Бутенанта поддерживать хорошие отношения с представителями разных придворных группировок: сохраняя связи и авторитет в кругах, близких правительству периода регентства царевны Софьи Алексеевны, он держался неподалеку и от ее подраставшего брата и потенциального соперника.

После прихода к власти Петра, в ситуации, когда необходимость лавировать, сохраняя лояльность имевшим разные интересы группам, исчезла, Бутенант сблизился с царем еще теснее. На страницах посланий датского посла П. Гейнса неоднократно встречаем описание событий, в которых они, Петр и Андрей, присутствуют на сцене оба. Царь вызывает посла для переговоров в дом Бутенанта, ведет в нем беседы дипломатического содержания, обедает, даже ночует. Зайдя к Гейнсу, в свою очередь, застаёт у него Бутенанта. Включенность последнего в события – чаще всего пассивная, но в некоторых случаях он в них участвует. Посол упоминает об одной из встреч у Бутенанта, во время которой диалог с царем по дипломатическим вопросам велся в присутствии хозяина дома, при этом в моменты, когда участники не вполне друг друга понимали (беседа велась на нидерландском языке), он, Бутенант, приходил к ним на помощь в качестве переводчика. Излишне говорить, что королевский комиссар состоял в тесном контакте с прибывавшими в Москву датскими дипломатами. Приблизившегося к Москве Гейнса он встретил еще на подъезде к столице – в селе Никольском¹¹.

МАРСЕЛИСЫ И РОССИЙСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ В 1670–1680-х ГОДАХ

Предпринимательская деятельность Бутенанта не ограничивалась сферой торговли – он занимался и промышленным предпринимательством. На протяжении долгого времени она была связана с хозяйством другого иностранного коммерсанта, оставившего заметный след в истории российской промышленности, – Петра Петровича Марселеса – старшего.

Главные его предприятия находились в центре Европейской части Российского государства. Следует, однако, отметить, что еще его отец, Петр Гаврилович, проявлял интерес к природным ресурсам территорий к северу от столицы. Вместе с Ф. Ф. Акемой и при участии А. Д. Виниуса в 1648 году ими был пущен завод по производству пушечных ядер на притоке Северной Двины реке Ваге [14: 54, 55]. В 1669 году Марселес подал челобитную с просьбой предоставить

ему и его сыну Леонтию (брату П. П. Марселиса) право на разработку медных и других руд в Занежье, при этом утверждал, что Леонтий в 1665 году обнаружил там медную руду [6: 8].

В июле 1672 года П. Г. Марселис умер. О сохранявшейся в это время для Марселисов актуальности работ на северном направлении говорит следующий факт. Когда в 1674 году сыновья Петра Гавриловича договорились о разделе унаследованного ими имущества и по раздельной записи заводы отошли к П. П. Марселису-старшему, последний и Еремей Фандергатен (Хармен ван дер Гатен) подали просьбу о выдаче им проезжей грамоты¹² по образцу той, которую для поиска руд уже получили А. А. Виниус (сын предыдущего) с товарищами. В своей челобитной Марселис и Фандергатен коротко описали, какого рода промышленные интересы связывали их в то время с Русским Севером: во-первых, им были переданы «рудокопные дела» в Олонецком уезде, которые прежде ведал гость Семен Гаврилов, во-вторых, царь пожаловал их на реках Цильме и Пижме, в Пустозерском уезде и в других местах «приискывать» медные и иные руды и заводить заводы по их переработке: «тое руду плавить и ковать своими деньгами и протори и наемными людьми». 29 июля 1675 года распоряжение о выдаче им просимой грамоты было дано¹³.

Но воспользоваться ею П. П. Марселис не смог: в это время он находился «при своей крайней болезни», больше того, «уразумел востание от болезни своей... сумнительной». За два дня до того, как было принято положительное решение по его и Фандергатена челобитной, умирающий составил духовную грамоту, в которой «железные и медные заводы и что к тому принадлежит и все, что сверх помянутого, что жене своей отдал», завещал малолетнему сыну Христиану. «А понеже тот сын ево еще младенец», для ведения его дел он назначил «приказчиков» Андрея Бутмана (А. И. Бутенанта) и Еремея Фандергатена. Им, опекунам, он давал «без всякого прекословия наследников ево полную мочь... о пожитках ево в прибыль сына ево устроить». Такие права сохранялись за ними вплоть до достижения наследником 25-летия¹⁴.

Важнейшей частью имущества, которое попадало под контроль Бутенанта и Фандергатена, являлись железные и медные заводы¹⁵. Промышленное хозяйство, контроль над которым они получали, было достаточно обширным: включало старейшие в России доменные и передельные Городищенские (Тульские), Каширские и сравнительно недавно присоединившиеся к ним Алексинские заводы в Тульско-Каширском металлургическом районе и медеплавильное производство на севере страны (отмеченное в упомянутой жалованной грамоте). Главные из заводов в центре Европейской России были уже не новы, но продолжали функционировать. Из четырех Горо-

дищенских заводов на р. Тулице действовали три, из четырех Каширских на Скниге – все четыре, причем последние, построенные как передельные, получили к этому времени домну. Сложнее обстояло дело с прочими производственными мощностями, но их развитие имело неплохую перспективу.

Бизнес, оставленный на попечение опекунов, поддерживался и развивался. Не исключено, что первое время в делах могла принимать участие вдова: право на это вплоть до ее выхода замуж давало ей завещание¹⁶. Но она вступила в новый брак и соответствующее право утратила. Наследник был слишком мал, позже его увезли из России. (По достижении им семилетнего возраста отец завещал «взять» его приказчикам «к себе и послать для учения за море и тамо ево учить во всякие шляхетные науки»¹⁷. Распоряжение с некоторой задержкой было исполнено.) Управление хозяйством Марселисов полностью сосредоточилось в руках опекунов.

Сколько-нибудь важных изменений на заводах Тульско-Каширского металлургического района в это время не происходило: те исправно выдавали железо, поступавшее в казну и в свободную продажу. Внимание предпринимателей было направлено на объекты, расположенные к северу от столицы, в частности в Олонецком уезде. Здесь они организовывали поиск рудных месторождений и строили предприятия для их переработки.

ЕРЕМЕЙ ФАНДЕРГАТЕН, УПРАВЛЯЮЩИЙ И ОПЕКУН

Прежде чем перейти к истории Олонецких заводов в период опекунского ими управления, остановимся на фигуре Еремея Фандергатена, второго «приказчика», назначенного П. П. Марселисом. В 1671 году он служил у его отца управляющим [1: 164]. После смерти последнего тесная его связь с заводами этой семьи сохраняется. В ноябре 1672 года Фандергатен получил в Посольском приказе данную по челобитной П. П. Марселиса грамоту, адресованную капитану Д. Г. Битяговскому, который должен был «доправить» с крестьян Соломенской волости деньги, которые те задолжали отцу челобитчика¹⁸. До момента, когда он стал опекуном, Фандергатен чаще всего присутствует в делопроизводстве по заводам Марселисов в качестве лица, забирающего в приказах (обычно в Посольском) адресованные заводоладельцам документы – многочисленные упоминания об этом находим для периода с ноября 1672 по март 1675 года¹⁹. Иногда его участие не ограничивается функциями посредника. 31 июля 1674 года он присутствует (судя по контексту – в качестве представителя Марселисов) при передаче из Посольского приказа в приказ Большого прихода памяти, сообщающей о царском указе владеть братьям Марсе-

лисам Тульскими, Алексинскими и Каширскими заводами на тех же условиях, на которых владел и отец²⁰. Хотя его присутствие носит чисто формальный характер (действий он не совершает), оно демонстрирует статус Фандергатена. Он доверенное лицо, готовое вмешаться, если права наследников будут чиновниками ущемлены.

Фиксируются случаи, когда Фандергатен играет и более активную роль. Наблюдаем ее, например, в относящемся к сентябрю и октябрю 1674 года деле о поставке железа и «подкопных снастей» с Тульских заводов в стрелецкие приказы для «великого государя Севские службы». После указа поставить таковые читаем:

И против сей памяти сказал иноземец Еремей Фандергатен: на железных де заводах ныне мимо едучи в стрелецкие приказы доведется взять железа заступы, лопаты, кирки; а буде чего и деланого нет, но вскоре зделано будет; а доведется де за то за все по уговорной цене взять денег 142 руб. 13 алт. 2 д.; а просеков, пазников, долот, напарей, лопастей колесных деланых на заводе нет и не делают, а мочно то купить на Москве и в рядах, и в рядах то все есть; а стрельцы тех приказов сказали, что у них в приказах мастера делать просеки, пазники, долота, напарьи, лопасти есть, и зделают будучи и в полках, только б им на те снасти на приказ по 10 пуд²¹.

Как видим, Фандергатен на этот раз демонстрирует творческое отношение к исполнению ответственного задания. Он сообщает сведения, касающиеся номенклатуры продукции Тульских заводов, обещает при необходимости быстро сделать недостающее число изделий. Сообщает и о том, что в Туле не производится, при этом предлагает альтернативное указу решение: купить необходимое в Москве в рядах. Наконец, переговорив со стрельцами, предлагает запасной вариант: сделать то, что не делают на Тульских заводах, силами собственных мастеров стрелецких приказов. Уровень компетенции Фандергатена в этом деле значительно выше уровня курьера. Он прекрасно знает заводы и их возможности, в трудных ситуациях (когда отказывать рискованно) он способен находить развязки, позволяющие и поручения выполнить, и заводоладельцам не навредить.

Еще один случай, когда Фандергатен действует в качестве полноценного актора, – его присутствие и выступление в январе 1673 года от имени П. П. Марселиса в Посольском приказе с сообщением об отказавшихся работать на Тульских и Каширских заводах «старых бунтовщиках» – крестьянах приписанной к заводам Соломенской волости²². В ситуации, допускавшей различную оценку действий участников конфликта, Фандергатен дал развернутую и достаточно убедительную характеристику лиц и событий, максимально выгодную для заводоладельцев.

Перечисленное позволяет сделать вывод, что в охваченный нашими документами период Фандергатен выступал как компетентный специалист

и одновременно доверенное лицо заводоладельцев. Не знаем, считался ли он официально приказчиком у Марселисов (в наших документах он так ни разу не назван), но, по сути, он был тем, чем Бутенант для короля Христиана – его доверенным, фактором.

МАРСЕЛИСЫ В КАРЕЛИИ: ПЛАНЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

Активность в отношении промышленных объектов, находившихся на севере Европейской части России, отмечаем сразу же после смерти П. П. Марселиса – старшего. Согласно сказке Фандергатена, записанной 18 августа 1675 года, промышленники готовили в это время отправку туда двух отрядов. Первый состоял из шести человек – приказчика иноземца Еремея Традела (родственника Бутенанта, ранее уже участвовавшего в общем с ним бизнесе в России), рудознатца Лаврентия Нитарта, трех «людишек» и кузнеца. Для «сыска и опыта всяких руд» его направляли на Цильму, Пижму, в Пустозерской уезд, на Мезень; при этом в пути – в Вологде или в Великом Устюге – отряд должен был пополниться работными людьми²³. Вторую группу готовили для поездки на Олонец и в уезд. Возглавлял ее иноземец Андрей Менцхевер, его сопровождали рудозналец и проводники²⁴.

То, что какая-то работа на Олонецких заводах Марселиса в близкое к этому время велась, демонстрирует любопытное дело, относящееся к марту – апрелю 1676 года. Оно касается оплаты железа, с июля 1675 по февраль 1676 года поставленного с его заводов на разные нужды в казну, – всего на сумму 2162 руб. 9 алтын 2 деньги. Суть дела излагает мартовская челобитная, поданная от имени Х. Марселиса. Поскольку железо взималось по царскому указу, в 7183 (1674/75) году за него П. П. Марселису было дано «в зачет наперед сего на Олонце из Олонецких да Новомещанского кружечного двора из доходов 1000 руб.». Там же, на Олонце, «на расходы на медные заводы» выдали из казны еще 600 руб. Позже, однако, из Новгородского приказа (который ведал олонецкие дела) было сообщено, «что те деньги 600 руб. нельзя зачесть, а доведется де взять деньгами и записать в приход». «А ныне, – продолжал автор прошения, – пишу ко мне с Олонецких медных заводов о деньгах, что деньги надобно для расплаты работных людей и на дрова, и ныне, государь в распутие денег добыть и послать нельзя». Автор челобитной просил обещанное ему ранее «в зачет» – реально зачесть, кроме того, выдать ему сумму (более 500 руб.), которую этот зачет не учитывал²⁵. Просьба была удовлетворена.

В цитированной челобитной не сказано, на каких заводах было произведено поставленное в казну железо. Но определить его происхождение нетрудно. Олонецкие заводы названы в документе медными, следовательно, железо могло быть

только тульским. Это подтверждается сохранившимися для некоторых партий этого железа первичными документами, связанными с их поставкой в казну, – в них железо вполне определенно фигурирует как тульское.

Из данного дела, относящегося к началу опекунского периода функционирования хозяйства Марселисов, можно сделать несколько важных выводов, касающихся состояния дел на олонекской промышленной его площадке. Во-первых, по состоянию на весну 1676 года производство там функционировало как медеплавильное. Во-вторых, по крайней мере частично, оно финансировалось из доходов другой группы их заводов – Тульской. Олонекские заводы существовали не сами по себе, а были частью единого промышленного хозяйства. Связь его элементов (региональных групп заводов) выражалась в единстве инвестиционной базы развития, а также в координации обеспечивавших ее формирование финансовых потоков.

Поскольку производство на заводах центра и севера Европейской части России базировалось на разных технологиях (в центре действовали домны и молотовые фабрики, на севере медеплавильные печи), технико-технологической связи между группами первоначально не существовало. Лишь позднее, когда Бутенант приступил к перепрофилированию Олонекских заводов, связь заводских групп установилась и по линии технологии: на север для налаживания там производственного процесса стали посылать мастеров с заводов центра. Пока же (в начале периода опекунства) наблюдаем попытки закрыть кадровый голод на медеплавильном производстве единственным возможным в то время путем – посредством привлечения мастеров из-за рубежа. Именно эту цель преследовала поданная в начале мая 1676 года от имени Х. Марселиса и Е. Фандергатена челобитная с просьбой предоставить ямские подводы двум группам их посланцев. Просители напоминали об указе царя Алексея Михайловича, данном Фандергату и отцу Х. Марселиса, – «медные и всякие руды сыскать и заводы заводить своими деньгами и проторьми». В том же указе было велено давать заводчикам казенные ямские подводы, куда случится им «ехать или посылать для того рудного сыску».

А ныне, – сообщили челобитчики, – посылаем в немецкия земли чрез Свицкой рубеж пастора нашего с человеком с иноземцом для ради мастеровых людей к медным и к железным заводам да в Олонекской уезд в Фамогубскую волость посылаем рудознатца иноземца Ивана Пульмана с человеком же нашим наскоро.

Заводчики просили дать их посланцу (пастору Я. К. Эйзенбергену) и его человеку подводы до шведского рубежа, а потом, когда они будут возвращаться с мастеровыми людьми, – их же ему, «людям» и «под мастеровые снасти и под их рухлядь».

Обратим внимание на то, что для тех, кого отправляли «в немецкия земли», прямой и обратный маршруты описаны в заявке различно. Им под возвращение запрашивали подводы так, чтобы «было мочно поднятца до Олонекских рудоконных мест» и только потом ехать до Москвы. В отличие от них отправлявшиеся в Фоймогубскую волость Пульман с «человеком» должны были возвращаться в столицу сразу²⁶. Любопытно, что в этом случае подводы просили предоставить вместе с проводником, из чего заключаем, что район, в который направлялся рудозналец, путешественникам был малоизвестен.

Еще одна примечательная деталь этого документа – содержащееся в нем упоминание о том, что из-за рубежа планировалось привезти мастеров не только для медных, но и для железных заводов. Последние, возможно, должны были обеспечить ротацию кадров на заводах центра. Но вполне уместно предположить и то, что уже в это время обдумывался вопрос о дополнении существовавшего на Олонце медеплавильного производства железоделательным.

Распоряжение выделить подводы и дать подорожные было дано, соответствующие документы взял, как и обычно, Фандергатен.

Приведенные документы свидетельствуют об активизации работ (налицо не единичное действие, а серия таковых), основным местом которых являлся Олонекский уезд. Заметим, что, хотя туда в 1676 году повторно (после 1675 года) отправлялся рудозналец, состояние рудной базы в этом районе заводчики считали, вероятно, в целом достаточно им ясным, и оно вполне их удовлетворяло. В противном случае они бы не посылали одновременно с Пульманом своего представителя в Швецию ради найма мастеров, которым предстояло заниматься не поиском руд и устройством рудников, а работать на заводах по переработке этих руд.

Несколько позже, в 1677/78 году, Христиану Марселису и второму его опекуну Андрею Бутенанту были даны новые грамоты «на рудосыские и иные промыслы»²⁷. Можно предположить, что основанием для их оформления послужила практика (не носившая всеобщего характера, но существовавшая), согласно которой с началом нового царствования прежние жалованные грамоты (в том числе на деятельность в сфере горного дела и металлургии) возобновляли. Помимо дополнительной легитимации (именно дополнительной – прежние грамоты не отменялись), это иногда позволяло с учетом новых реалий откорректировать условия, зафиксированные в имевшейся грамоте.

Грамоты, полученные Бутенантом на свое и Марселиса имя, обеспечивали законность осуществлявшейся ими хозяйственной деятельности в центре и на севере Европейской России. Они были необходимы еще и потому, что строитель-

ство и эксплуатация горно-металлургических предприятий часто встречали противодействие местного населения, особенно в случаях, когда его привлекали для работы на этих предприятиях. В этом отношении показательна грамота от 22 февраля 1784 года, адресованная олонечному воеводе Ивану Панину и дьяку Алексею Мискову. Данная на основании иска Бутенанта и Марселиса «в приезде, и в озорничестве, и в бою прикащика их и людей, и извозчиков и в похвальных словах», а также «в разорении и в грабежу заводов их», она предписывала выслать к Москве старосту Кижского погоста Олонечского уезда Костку (Константина) Попова²⁸. Разумеется, «разорение» и грабеж заводов, в котором его обвиняли, по содержанию и особенно по масштабу едва ли походили на то, что творилось на заводах Южного Урала в период Пугачевщины. Но упомянутые в документе «озорничество», избивание приказчика, «людей», извозчиков, «похвальные слова» – это, судя по всему, имело место. Бутенанту приходилось искать управу на то, что происходило в сотнях верст от места его пребывания.

Забегая вперед, скажем, что в дальнейшем отношения между заводской администрацией и крестьянами продолжали оставаться неустойчивыми. Конфликты возникали и тогда, когда владельцем заводов стал сам Бутенант, особенно они усилились, когда он добился приписки к заводам крестьян Кижского погоста. Наиболее яркой страницей в истории их противостояния стали события периода, которые в советской историографии фигурировали под названием Первого Кижского восстания (1694–1696²⁹), – тогда заводы из-за ухода с них мастеровых людей два года простаивали [4], [6: 19].

ЗАВОДЫ МАРСЕЛИСОВ ПОД ОПЕКУНСКИМ УПРАВЛЕНИЕМ

Сохранившиеся документы второй половины 1670–1680-х годов представляют в качестве субъектов предпринимательской активности одного из Марселисов (редко) или две пары: Марселиса с Фандергатеном и Марселиса с Бутенантом. В тех более ранних из них, которые связаны с работой на олонечком направлении, действуют первые двое. Присоединение к ним Бутенанта происходит лишь в 1675 году, когда, как полагает Г. М. Коваленко, он становится компаньоном П. П. Марселиса и Е. Фандергатена³⁰. Как в ближайшие к этому годы складывались отношения между Бутенантом и Фандергатеном, нам неизвестно. Но едва ли критично – отец не стал бы определять в душеприказчики врагов.

В 7186 (1677/78) году Фандергатен умер, единственным опекуном остался Бутенант. В 1685 году он отправил Христиана, которому в то время было около десяти лет, в Данию для

учебы [5: 181]. Наследник пребывал там до начала 1689 года [5: 182].

После смерти Фандергатена Бутенант, опираясь на жалованные грамоты, полученные на имя П. П. Марселиса и его сына, развивал и расширял хозяйство, оставленное Христиану его отцом. На заводах Тульско-Каширской группы заметных изменений, как уже говорилось, не происходило. Единственное исключение – закладка и начало строительства (1689) железного завода на р. Дугне. Остановленное в следующем году смертью Х. Марселиса, оно прервалось, когда были построены только кузница и несколько сооружений вспомогательного назначения [13: 48], [15: 78]. В Карелии же ситуация трансформировалась радикально. По инициативе Бутенанта там изменился профиль металлургического производства. Остановив плавку меди, он организовал поиск железных руд, построил и пустил несколько доменных и железоделательных заводов [7: 33–49]. Возникновение двух первых приходится на первую половину 1680-х годов: в 1680–1681 годах был построен Устьрецкий завод, приблизительно в 1685-м – Фоймогубский [1: 169], [6: 10]³¹.

Исследователи уже задавались вопросом о причине этого технологического зигзага. Г. М. Коваленко назвал целых четыре обстоятельства, обусловивших неудачу в реализации создания медеплавильного завода в Заонежье: бедность медных месторождений, трудности их разработки, сложность технологии выплавки меди и неподготовленность строительства завода крестьянскими медными промыслами [6: 9]. Не все из перечисленного представляется нам достаточно существенным. Сравнительные исследования трудности добычи медной руды в Заонежье и на Урале нам неизвестны. Выплавка меди в технологическом плане действительно сложна, но где свидетельства того, что эти трудности не были на существовавшем медеплавильном заводе преодолены? Не исключаем, что важную роль играло качество (минеральный состав) медной руды, который самым непосредственным образом отражается на технологии выплавки, упрощая или усложняя ее. Но выяснение роли этого фактора требует специального и достаточно непростого исследования.

Вместе с тем можно указать на ряд факторов, которые должны были склонять Бутенанта к попытке построить в Карелии доменный и железоделательный завод (альтернативный медеплавильному или дополняющий его – в данном случае не важно). Помимо самоочевидных – наличия необходимых природных ресурсов и крестьянской железоделательной промышленности – обратим внимание на два, обусловленных отраслевой конфигурацией хозяйства, которым управлял Бутенант:

– долгие годы управляя предприятиями как цветной, так и черной металлургии, он, несом-

ненно, неплохо знал технологическую цепочку операций получения не только меди, но и железа;

– на стабильно работавших заводах центра Европейской России Бутенант имел мастеров доменного и железоделательного производства, которых без заключения новых контрактов мог оперативно перебрасывать на другие объекты.

Хотя Бутенант умножал промышленное хозяйство подраставшего Х. Марселиса новыми предприятиями, его отношения с опекаемым портились. Бутенант очень хорошо помнил, что П. П. Марселис

написал ево, Андрея, над всем своим имением и над заводы опекуном, тако ж де сына своего Крестьяна в малолетстве вручил ему. И приказал в духовной своей ему ведать ево, Крестьяна, и вручил ему до урочных лет³².

«Ведать», то есть распоряжаться имуществом опекаемого и им самим по собственному разумению, по мере взросления наследника, Бутенанту удавалось все хуже. Пока Христиан находился в Дании (а Бутенант стремился задержать его там по возможности дольше), для реализации планов большой помехи он не представлял. Но в дело вмешивалась его мать, вдова П. П. Марселиса Маргарита, сочетавшаяся вторым браком с полковником Павлом Менезиусом. В 1688 году она попросила стать опекуном ее сына генерала Патрика Гордона [5: 182].

Г. М. Коваленко считает, что именно с этого времени начинается борьба между ней и Бутенантом, и ведется она именно за Олонецкие заводы. Покинувший в январе 1689 года Данию и возвратившийся в Россию Христиан принял сторону матери и стал жаловаться на Бутенанта в Посольский приказ (челобитные, предполагает историк, составлялись ею) [5: 182].

Обрисованная картина в целом верна, но в деталях может быть уточнена и дополнена.

Предварительно обратим внимание на то, что, судя по завещанию, П. П. Марселис перед уходом слишком нежных чувств к супруге не испытывал, будущее своего хозяйства связывал исключительно с сыном. По словам ссылавшегося на это завещание Бутенанта, он «жену ево Маргарету Вилимову дочь, будет второе супружество примет, во всем от сына и от заводов отсек». Это, конечно, неокончательный с ней разрыв, но четко выраженная позиция в отношении того, кто из родственников, по мнению наследодателя, ему ближе. Иное отношение к ней продемонстрировал прибывший в Россию Христиан. Как через полгода после его возвращения сообщал Бутенант, он «живет с матерью своею» и во всем проявляет ему непослушание³³.

В чем конкретно оно выражалось, Бутенант коротко изложил в поданной им 11 июня 1689 года в Посольский приказ челобитной.

А ныне он, Крестьян..., – писал он, – чинитца ему во всем непослушен. И продают железо, и денги принима-

ют с матерью своею многое число, а где те денги девают – того ему, иноземцу, ведомость не дают неведомо по чьему злему научению. ... Тако ж и Иван Якимов о крестьянских и заводских делах и указах пишет на заводы к приказным людям – и ево, Ивана, они во всем слушают. И то все чинят без их великих государей указу.

Как видим, основные претензии опекуна состояли в не согласованной с ним торговле заводской продукцией, в изъятии вырученных средств из оборота, в непредоставлении ему отчетности, наконец, в создании независимого от него канала управления³⁴.

Несколько дней спустя (20 июня) Х. Марселис подал встречную жалобу. По-видимому, она была не первой. Об этом говорит отличие содержащихся в ней претензий в адрес Бутенанта от тех, которые перечислил Г. М. Коваленко. Согласно последнему, наследник «обвинял Бутенанта во всяческих притеснениях, чинимых ему в Дании, в присвоении его, Христиана, доходов, в нежелании дать отчет о деятельности заводов» [5: 182]. В новой челобитной претензии иные: в ней подобраны и систематизированы доказательства того, что Бутенант в качестве опекуна не выполняет обязанностей, порученных ему наследодателем. Христиан (или его мать) описывает эти обязанности следующим образом:

И приказал отец ево им, душеприкащиком, на пользу и к прибытку ево (наследника. – И. Ю.) все им исправляти со оставленными имениями так, как бы отец ево сам жив был, и дом свой правил, и добра себе хотел заводами исправляти. Долги, что на ком есть, отыскиати, и что не плачено кому – заплатити, и все, что к тому принадлежит, исполнити и остерегати ему к прибытку³⁵.

Сравнив с текстом духовной, видим, что содержание соответствующего ее раздела передано в челобитной Марселиса в целом верно, хотя и более многословно. Но было ли завещанное исполнено надлежащим образом? Марселис утверждал, что нет. После смерти Фандергатена

опекун Андрей, не по обещанию своему, как обещался отцу ево, Крестьянову, в духовной, не токмо, чтоб старые долги отца ево ему выбрал и отыскал, что б к прибытку ево, но после де друга ево опекуна Еремея фон дер Гатена роздал чрез приказ и духовную де отца ево всяких чинов людям на тринадцать тысяч рублей с лишком, чего де было ему и роздавать по духовной и по приказу отца ево не велено и не довелось. А в духовной де отца ево написано: долги ево отыскивать, а что заплатить кому доведетца – и то заплатить, а не долги да³⁶ пожитки ево роздавать. И он де, опекун ево, позабыв обещание свое отцу ево и совесть свою, роздал такое великое число денег в долги, чево де и вовеки ему, Кресьяну, не собрать. А ему де он, опекун ево, учинил после духовной отца ево долгу, чего де было учинить не для чего, и которой де долг и по се число не заплачен. И платил с вершки с него больши, нежели заем. И оттого де ему чинитца и заводом ево великое разорение и убытки больши... Марселис просил защиты, чтобы ему «разоренному не быть»³⁷.

Как видим, жалобы на тяжелое датское детство в этом документе отсутствуют. Локация фактов – исключительно российская. Налицо этап конфликта, следующий за тем, который отразила челобитная, изложенная Г. М. Коваленко.

Неизвестно, как развивались бы события в дальнейшем, но в 1690 году 16-летний Х. П. Марселис умер, наследника не оставив. Дядя и мать Христиана были от наследства «отлучены» [5: 182]. Промышленным хозяйством, созданным тремя поколениями рода Марселисов, Е. Фандергатеном и Г. Бутенантом, государство распорядилось как выморочным. Тульские и Каширские заводы отошли в казну и вскоре были «отказаны» дяде Петра I боярину Льву Кирилловичу Нарышкину. По-иному сложилась судьба Олонецких заводов: Бутенант убедил оставить их за ним.

Подведем итоги деятельности Бутенанта по управлению заводами Х. Марселиса.

Бутенант пришел в российскую металлургию, когда ее развитие в форме мануфактур, принадлежавших преимущественно иностранным концессионерам, заканчивалось. Его деятельность завершала этот период и связывала его со следующим. И надо отдать ему должное, завершила достойно. При его (недолгое время – также и Фандергатена) опекунстве (1675–1690 годы) промышленное хозяйство Марселисов приобрело двухъядерную конфигурацию и в этой форме развивалось вплоть до его распада.

Период опекунства может быть разделен на два этапа. На первом (вторая половина 1670-х годов) состав и характер хозяйства оставались такими же, какими были на момент смерти П. Г. Марселиса. Региональные группы заводов имели несовпадающий производственный профиль: на предприятиях центра Европейской части России выпускали чугун и железо, на Олонецких – медь. Первые продолжали успешно действовать на протяжении и данного, и следующего периодов. Действовавшим оставалось и медеплавильное производство в Олонецком крае, но оно, только в 1675 году перешедшее к Марселисам, в первые годы требовало приведения в порядок и встраивания в систему их хозяйства. Группы заводов были тесно взаимосвязаны: прибыль, которую давали Тульские заводы, инвестировалась в развитие Олонецких. Наблюдаем полную аналогию демидовскому двухъядерному хозяйству, каким оно было до запуска алтайского их проекта: каждое звено решало свои задачи, при этом они друг друга в финансовом отношении подстраховывали.

На втором этапе (1680-е годы) заводами Х. Марселиса занимался один Бутенант. Анализ его предпринимательской деятельности показывает, что в этот период практически все его время занимало управление металлургическими предприятиями [1: 168]. Предприятия Тульско-

Каширской группы продолжали функционировать, и в самом конце наметилась тенденция к их модернизации: был заложен новый завод на реке Дугне. Но основная работа в этот период сосредотачивается на другом, олонецком, направлении, где Бутенантом было принято и реализовано решение стратегического уровня. Проанализировав состояние ресурсной базы в Олонецком крае, а также ресурсы (в основном кадровые) заводов центра, Бутенант пошел на изменение профиля северной группы заводов: осуществил перевод их с медеплавильного производства на доменное и железоделательное. Хотя он не был основателем металлургической мануфактуры в этом крае, именно при нем здесь была создана олонецкая железоделательная мануфактурная промышленность: построены заводы, несмотря на трудности (связанные в основном с обеспечением их рабочей силой), относительно устойчиво работавшие и приносявшие прибыль. Двухъядерная конфигурация на этом этапе сохранялась. Больше того, поскольку производственный профиль заводов теперь совпадал (все были предприятиями черной металлургии), их связь укрепились: на Олонецкие заводы с предприятий старого металлургического центра отправлялись квалифицированные рабочие кадры [3: 172], [6: 11].

БУТЕНАНТ – ЗАВОДОВЛАДЕЛЕЦ

В 1690 году в силу ситуационных, не имевших отношения ни к экономике, ни к политике обстоятельств хозяйство Х. Марселиса распалось. Заводы центра Европейской части России перешли к новому хозяину и в дальнейшем без серьезной модернизации функционировали несколько десятилетий. Уместно заключить, что опекуны, в первую очередь Бутенант, «ведали» их вполне добросовестно и квалифицированно. То, что данный заводской комплекс, отделившись, остановился в своем развитии, свидетельствует не только об углублявшемся в этом районе дровяном кризисе [17], но и об отсутствии у его хозяев интереса к промышленному предпринимательству.

Это тем более очевидно при сравнении его истории при Л. К. Нарышкине с историей Олонецких заводов. Под управлением Бутенанта эта их группа бурно развивалась. Став владельцем предприятий (1692) [1: 169], он возобновил примышленное строительство. К уже существовавшим на момент передачи железным заводам добавил еще два: доменный и переделный Лижемский и переделный Кедрозерский [6: 11].

Олонецкие заводы Бутенанта проходили общие для такого рода предприятий стадии технического развития. Обратим внимание на то, что, в отличие от остальных заводов, которые были доменными и молотовыми, один из новых заводов Олонецкой группы (Кедрозерский) являлся только молотовым. Из этого следует, что мощности, которыми располагал Бутенант, с увели-

чением совокупной производительности домен на каком-то этапе перестали справляться с переделом выплавляемого чугуна. Налицо ситуация, нередкая для промышленных хозяйств, осуществлявших двухстадийную переработку железной руды: отставание энергоемкого передела чугуна от его производства. И способы разрешения проблемы, к которым прибегает Бутенант, тоже достаточно традиционны. Первый – строительство специализированных переделных заводов. Именно это предпринял владелец Олонецких заводов в конце 1690-х годов. Второй – расширение в ассортименте продукции доли чугунолитейного. Так поступит он в начале 1700-х, взявшись за отливку на своих заводах пушек и пушечных ядер [3: 173, 174], [6: 14, 15]³⁸. Пойти по второму пути было непросто в силу сопряженных с ним технологических трудностей. Но все же проще (во всяком случае, дешевле), чем построить специализированный пушечнолитейный завод.

Подъем, который Олонецкие заводы Бутенанта испытали в первые годы Северной войны, убедительно продемонстрированная их способ-

ность в короткие сроки успешно перестраивать производство, в значительной степени предопределили решение об их взятии в казну. (Обратим внимание на то, что в один год с Олонецкими (1703) в казну был взят еще один весьма успешный металлургический завод – Тульский Н. Д. Демидова, который, как и они, вскоре сосредоточился на выполнении заказов Адмиралтейства [16: 65, 66].) Предприятия Бутенанта стали базой для возникновения Олонецких Петровских заводов. Последние в годы войны, особенно в период, когда ими руководил В. И. Геннин, выделялись среди существовавших в России металлургических предприятий хорошим техническим оснащением, численностью работающих, разнообразием номенклатуры выпускаемой продукции, благодаря чему сыграли важную роль в обеспечении потребностей флота [2: 98, 102], [3: 176, 177, 194]. Успехи, которых добились Петровские заводы, были обусловлены рядом причин. Одна из них, и немаловажная, – то, что они опирались на опыт своих предшественников в этом районе – заводов Бутенанта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Арсеньев К. И. Описание Олонецких заводов, с самого их основания до последних времен, с кратким обозрением Олонецкой губернии // Труды Минералогического общества. Т. 1. СПб., 1830. С. 281–332.
- ² Рожков В. И. Горнозаводский промысел в Олонецком крае // Горный журнал. 1888. № 1. С. 290–318; Мегорский В. П. Горнозаводская деятельность в Олонецком крае при Петре Великом. Петрозаводск: Олон. губ. тип., 1905. 24 с.
- ³ Крепостная мануфактура в России. Ч. 2: Олонецкие медные и железные заводы. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 63 с.
- ⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 855.
- ⁵ Там же. Д. 946.
- ⁶ Форстен Г. Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 356. 1904. № 11 (ноябрь). С. 70.
- ⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 188.
- ⁸ Любопытно, что в этом документе он был записан по-старому, без прибавления «фон Розенбуш». Заметим, однако, что писать его по-новому было велено только «в их царского величества грамотах, и в указах, и во всяких писмах»; на внутриприказное делопроизводство это требование не распространялось.
- ⁹ РГАДА. Ф. 50. 1690. Д. 1. Л. 18. В такой же последовательности стоят имена этих лиц в подписях к документу приблизительно того же времени – свидетельству о благородном происхождении рода Винуисов. Подпись комиссара королевского величества датского и «норверскаго» Андрея Бутенанта находится в нем перед подписью королевского величества швейцарского пребывающего при дворе их царского величества комиссара Хриштофа (т. е. Кристофа) фон Кохена (Там же. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241. Л. 460б., 47).
- ¹⁰ Там же. Ф. 50. 1690. № 1. Л. 7, 18.
- ¹¹ Форстен Г. Указ. соч. С. 86, 295, 296, 303–305, 325, 342.
- ¹² Исправляем неточность Г. М. Коваленко, который, упоминая о поданной Марселисом и Фандергатеном в 1674 году просьбе разрешить им разработку руд в Заонежье, под Марселисом подразумевает лицо, тождественное подателю аналогичной просьбы в 1669 году [6: 8, 9]. Но первоначально просителем выступал другой Марселис – Петр Гаврилович, в 1672 году умерший.
- ¹³ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 21. Л. 260б. Сам документ опубликован в Дополнениях к Актам историческим. Т. 6. СПб.: Тип. Э. Праца, 1857. С. 165, 166. Распорядительная помета на нем позволяет исправить утверждение Г. М. Коваленко, писавшего, что распоряжение о выдаче грамоты было дано в августе 1674 года [6: 9].
- ¹⁴ Крепостная мануфактура в России. Ч. 1: Тульские и Каширские железные заводы. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 299.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 229об.
- ¹⁶ Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. С. 299, 300.
- ¹⁷ Там же. С. 300.
- ¹⁸ Там же. С. 350.
- ¹⁹ Приводим ссылки на подобные факты в документах того же сборника (в скобках – номер страницы): ноябрь 1672 (350), март 1673 (420), апрель 1673 (421), февраль 1674 (423), май 1674 (438), сентябрь 1674 (436, 437), март 1675 (445).
- ²⁰ Там же. С. 245, 246.
- ²¹ Там же. С. 439, 440.
- ²² Там же. С. 336.
- ²³ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 21. Л. 27, 28.
- ²⁴ Там же. Л. 28.
- ²⁵ Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. С. 461, 462.
- ²⁶ Там же. С. 354, 355.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 236. Л. 542об.–543.
- ²⁸ Там же. Кн. 243. Л. 1005об. Отношения заводской администрации и крестьян подробно рассмотрены в работе [4].

- ²⁹ С. П. Орленко период активного сопротивления крестьян относит к 1693–1695 годам [11: 259].
- ³⁰ Хотя Г. М. Коваленко и упоминает об обнаруженных им архивных материалах, свидетельствующих, «что Г. Бутенант-старший... до 1690 года был не просто опекуном Христиана Марселиса, а его равноправным компаньоном» [6: 10], ссылок на эти документы он не приводит. Не исключаем, что документы не прямо говорят об этом, а лишь допускают такую их интерпретацию. Если бы Бутенант был компаньоном в юридическом смысле слова, он бы на это сослался.
- ³¹ А. П. Глаголева, а вслед за ней Т. М. Юдина упоминают еще один завод – доменный и молотовой, построенный в 1685 году в Фоймогубской волости на Устьматке у Верхозера [3: 172], [18: 42]. Г. М. Коваленко объединяет два объекта в один: по его представлениям, на Устьматке был построен завод Фоймогубский [6: 10].
- ³² РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 21. Л. 221.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Л. 221, 221об.
- ³⁵ Там же. Л. 229об., 230.
- ³⁶ В ркп: вне долги де.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 21. Л. 230, 230об.
- ³⁸ См. также РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 32; Ф. 160. Оп. 1. 1702. Д. 19; 1703. Д. 1; 1705. Д. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Велувенкам п Я. В. Архангельск: Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М.: РОССПЭН, 2006. 312 с.
2. Глаголева А. П. Олонетские заводы в первой четверти XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 247 с.
3. Глаголева А. П. Олонетские металлургические заводы при Петре I // Исторические записки. Т. 35. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 170–198.
4. Коваленко Г. М. Борьба крестьянства Карелии с заводоладельцами во второй половине XVII в. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1976. С. 164–179.
5. Коваленко Г. М. О деятельности датского резидента Генриха Бутенанта в России // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1976. С. 180–187.
6. Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии (1670–1703 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977. 24 с.
7. Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии. 1670–1703 гг. Л.: Наука, 1979. 103 с.
8. Куракин Б. И. Гистория о царе Петре Алексеевиче 1682–1694 гг. // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / Сост. Е. В. Анисимова. СПб.; Париж; М.; Нью-Йорк: Пушкинский фонд, Внешсигма, 1993. С. 53–84.
9. Лавров А. С. Донесения датского комиссара Генриха Бутенанта о стрелецком восстании 1682 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 191–199.
10. Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М.: Древлехранилище, 2004. 344 с.
11. Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. 304 с.
12. Привилегированное купечество России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в.: Сб. документов. Т. 1 / Сост. Т. Б. Соловьева, Т. А. Лаптева. М.: РОССПЭН, 2004. 520 с.
13. Стоскова Н. Н. Первые металлургические заводы России. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 106 с.
14. Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М.: Наука, 2007. 558 с.
15. Юркин И. Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула: Рарус, 1998. 327 с.
16. Юркин И. Н. Демидовы: Столетие побед. М.: Молодая гвардия, 2012. 447 с.
17. Юркин И. Н. «Дровяной кризис» XVIII в., засеки и судьба подмосковной металлургии // Тульский край: история и современность: Сб. материалов науч. конф. Тула: Изд-во ТулГУ, 1997. С. 173–178.
18. Юдина Т. М. Из истории горнозаводского производства в Олонетском крае // Вестник Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 40–44.

Yurkin I. N., S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
(Moscow, Russian Federation)

HEINRICH BUTENANT AND THE RUSSIAN METALLURGY IN THE LAST QUARTER OF THE XVII CENTURY

The article is concerned with the actions of Heinrich (Andrei Ivanovich) Butenant fon Rosenbush in the field of mining and metallurgy on the territory of Olonets region. The reasons that led to the change of the profile of Olonets industry are discussed: its transition from the production of copper to the production of iron. It is shown that the parts of the two-tier structure of the industrial economy formed by Butenant were interconnected. The evolution of this structure and the development of the Olonets group of plants after their transition to Butenant are considered. The author used both published and archival historical sources. Some of the allegations are specified and supplemented by the facts from the existing scientific literature.

Key words: Heinrich (Andrei Ivanovich) Butenant fon Rozenbush, Marselis, Winus, E. Fan der Hatén, Olonets factories of XVII century, Olonets Peter's factories

REFERENCES

1. Veluvenkamp Y. V. Arkhangelsk: Dutch entrepreneurs in Russia. 1550–1785. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 312 p. (In Russ.)

2. Glagoleva A. P. The Olonets works in the first quarter of the XVIII century. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1957. 247 p. (In Russ.)
3. Glagoleva A. P. The Olonets metallurgical works under Peter I. *Historical notes*. Vol. 35. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1950. P. 170–198. (In Russ.)
4. Kovalenko G. M. The struggle of Karelian peasants against factory owners in the second half of the XVII century. *Questions of history of the European North*. Petrozavodsk, 1976. P. 164–179. (In Russ.)
5. Kovalenko G. M. On the activities of the Danish resident Heinrich Butenant in Russia. *Questions of history of the European North*. Petrozavodsk, 1976. P. 180–187. (In Russ.)
6. Kovalenko G. M. The first metallurgical factories in Karelia (1670–1703). Abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences. Leningrad, 1977. 24 p. (In Russ.)
7. Kovalenko G. M. The first metallurgical works in Karelia. 1670–1703. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 103 p. (In Russ.)
8. Kurakin I. B. History of the Tsar Peter Alekseevich, 1682–1694. *Peter the Great. Memory lane. Diaries. Jokes*. Comp. E. V. Anisimov. St. Petersburg, Paris, Moscow, New York, 1993. P. 53–84. (In Russ.)
9. Lavrov A. S. Reports of the Danish commissioner Heinrich Butenant about Strelets uprising in 1682. *Auxiliary historical disciplines*. Vol. XXVII. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2000. P. 191–199. (In Russ.)
10. Orlenko S. P. Immigrants from Western Europe to Russia of the XVII century (the legal status and actual position). Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2004. 344 p. (In Russ.)
11. Pashkov A. M. Mining history of Karelia of the late XVIII – early XX century. Petrozavodsk, Izd-vo KGPU, 2007. 304 p. (In Russ.)
12. Privileged merchants of Russia in the second half of the XVI – the first quarter of the eighteenth century. Sat. documents. Vol. 1. Comp. T. B. Solov'eva, T. A. Laptev. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 520 p. (In Russ.)
13. Stoskova N. N. The first metallurgical plants of Russia. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962. 106 p. (In Russ.)
14. Yurkin I. N. Andrei Andreevich Winius. 1641–1716. Moscow, Nauka Publ., 2007. 558 p. (In Russ.)
15. Yurkin I. N. Demidov in Tula. From the history of formation and development of the industrial dynasty. Moscow, Tula, Rarus Publ., 1998. 327 p. (In Russ.)
16. Yurkin I. N. Demidovy. A century of victories. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 447 p. (In Russ.)
17. Yurkin I. N. “Wood crisis” of the XVIII century, “zaseki” and the fate of the metallurgy of the Moscow region. *Tula region: history and modernity. The collection of materials of scientific conference*. Tula, Izd-vo TulGU, 1997. P. 173–178. (In Russ.)
18. Yudin T. M. From the history of mining industry in Olonets region. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. Series of humanities and social sciences*. 2008. No 1. P. 40–44. (In Russ.)

Поступила в редакцию 30.08.2017